

Услышав объяснение Вэнь Жуня, Ван Цзюэ больше не сомневался. Ведь это учение принадлежало его «братцу-мужу», и те, кто его освоит, по словам Вэнь Жуня, словно получают на себе его «печать». Если кто-то после этого осмелится не признавать Вэнь Жуня своим учителем — его обязательно осудят и презрят!

От этого Ван Цзюэ сразу успокоился.

Вэнь Жунь думал, что в такую погоду все наверняка сидят дома, пережидая зиму. А поскольку снегопад усиливался, он предложил детям остаться у него на несколько ночей. Велел вскипятить воду, чтобы дети помылись, а заодно постирать им одежду.

Целая толпа ребятишек — Вэнь Жунь шутил про себя, что у него теперь и детский сад, и начальная школа в одном лице.

Из-за погоды никто не придавал этому особого значения.

Но на третий день, когда бушевал пронизывающий ветер и небо заволокло густым снегом, неожиданно прибыли гости из Вэньцзячжуаня!

Утром того дня Вэнь Жунь уже позавтракал, а дети усердно заучивали «Цяньцзы вэнь» («Тысячесловие») и занимались распознаванием иероглифов — это было обязательной основой обучения. Все они были крестьянскими детьми, ранее грамоте не обучавшимися, и их база была крайне слабой. Поэтому им нужно было не только научиться читать, но и уверенно писать.

Вдруг появился Чэнь Сюй:

— Господин, дедушка-староста привёл двоих гостей — это староста и глава рода из Вэньцзячжуаня.

— Как они в такую погоду сюда добрались? — Вэнь Жунь выглянул наружу: небо было затянуто тучами, а снегопад всё не прекращался.

— Видимо, дело срочное, — сказал Чэнь Сюй. — На улице такой холод, что моя мама велела готовить на обед что-нибудь горячее. Решили сварить маленькие пельмени с бараниной и креветками, да побольше перцу добавить — чтобы согреться.

Баранина — лучшее средство от холода, хотя здесь её редко ели. Лишь жена Чэнь Цяна умела с ней обращаться, поэтому из привезённой Вэнь Жунем баранины она и приготовила пельмени — к обеду для детей.

Дети не уходили домой уже два дня: вчера вечером они помылись, постирали одежду, а сегодня утром все были чистыми, аккуратно причёсанными — и выглядели совсем по-другому,

свежо и бодро.

Вэнь Жуню очень нравились такие ученики.

— Хорошо, — кивнул он. — К обеду не забудь отправить немного и в гостиную — всё-таки пришли в такую стужу, наверняка сильно замёрзли. Я сейчас пойду посмотрю, что за гости. А ты попроси тётю Цуйхуа отнести еду. А сам за детьми присмотри: пусть учатся. Днём можно будет выйти немного погулять и поиграть, но к обеду обязательно вернуться — есть баранину с пельменями, а потом немного отдохнуть.

— Хорошо, господин, — ответил Чэнь Сюй.

Он учился гораздо быстрее остальных: ведь постоянно находился в библиотеке Вэнь Жуня. Там были не только прежние книги хозяина, но и те, что Вэнь Жунь получил в подарок, а также собственные записи Вэнь Жуня — воспоминания из прошлой жизни, классические литературные произведения, которые он знал наизусть.

Все эти книги Чэнь Сюй мог читать, перелистывать и изучать совершенно свободно.

Ведь библиотека требовала лишь лёгкой уборки — больше от него ничего не требовалось. Вэнь Жунь и не собирался заставлять мальчика делать тяжёлую работу: ему же ещё так мало лет!

Чэнь Сюй чувствовал доброту Вэнь Жуня и потому очень серьёзно относился к обязанностям наставника для младших учеников: если кто-то чего-то не понимал, он терпеливо объяснял.

Это сильно облегчало жизнь Вэнь Жуню.

Тот неторопливо, с важным видом («восьмёркой», как ходят чиновники), направился в передний двор — в гостиную главного зала.

Дом цзюйжэня был спроектирован очень удобно, и Вэнь Жуню уже давно привык к такому укладу. Но для жителей Вэньцзячжуаня это был первый визит сюда.

Дедушка Чжань, конечно, бывал здесь не раз, но каждый раз восхищался: «Недаром дом спроектировал сам цзюйжэнь Вэнь! Посмотри, какая величественная обстановка — живёшь в таком месте, и душа становится шире!»

Вэнь Жунь действительно с особым старанием обустроил гостиную для приёма посетителей.

В центре главной стены висела великолепная картина с горным пейзажем: зелёные холмы, окутанные облаками на вершинах, у подножия — бурная река с пенящимися волнами, а посреди неё — одинокая лодчонка, стремительно скользящая по течению. Всё это создавало

ощущение обители бессмертных.

Это была работа самого уездного инспектора по образованию, господина Чжан Сяня. По бокам картины висела пара каллиграфических свитков с собственноручно написанными Вэнь Жунем строками:

Дорога в горы знаний прокладывается усердием,

Океан учёности безбрежен — лишь трудом станешь на нём лодкой.

Под картиной стоял длинный резной стол. По бокам — две квадратные вазы высотой с полруки, расписанные изображениями «четырёх благородных растений» — сливы, орхидеи, хризантемы и бамбука. В вазах торчали два разноцветных куриных пера — в качестве пыльных салфеток.

Посередине стола — пара высоких блюд с ярко-жёлтыми мандаринами. В это время года фрукты можно было достать только из погребов, и их лёгкий аромат заменял благовония, освежая и проясняя сознание.

В самом центре красовалась изящная статуэтка из красного дерева «цзи чи му» с двусторонней вышивкой «Сливы под снегом»: с одной стороны — красные цветы с жёлтыми тычинками, с другой — жёлтые цветы с красными тычинками. Работа была выполнена с невероятной тщательностью — сразу видно, вещь не простая.

Это тоже был подарок от уездного инспектора по образованию.

Вэнь Жунь поставил её сюда специально — для солидности.

Семья Ванов ведь не была знатной: настоящих сокровищ у них и впрямь было немного.

По обе стороны зала стояли четыре кресла в стиле «гуаньмао» («чиновничьи шляпы»), два низких столика для чая и даже специальные скамеечки для ног.

На полу не было ковров — Вэнь Жунь не собирался их стелить, оставив лишь чистый мраморный пол. Но даже такой простой пол был в деревне уникальностью — ни у кого больше такого не было.

В доме старосты, например, пол был просто выложен красным кирпичом.

Но благодаря умелым рукам жены Чэнь Цяня на каждом кресле лежали мягкие подушки из белоснежной овчины — нежные и пушистые.

Когда трое вошли в зал, гости из Вэньцзячжуаня уселись на восточные кресла, а староста Чжань занял место справа от главного — второе по значимости.

Он был старостой Ляньхуаао, а у Вэнь Жуня в доме не осталось старших родственников, поэтому его место не считалось нарушением этикета — он не «захватывал чужое».

Жена Чэнь Цяна вошла и подала каждому по чашке горячего чая и по две тарелочки сладостей.

Сладости были домашними: пирожки из финикового теста в форме «юаньбао» (золотых слитков) и рисовые пирожки с апельсиновой цедрой.

Сама жена Чэнь Цяна своим видом и манерами сразу выдавала воспитанницу знатного дома. Это заставило обоих гостей из Вэньцзячжуаня нахмуриться и почувствовать себя неловко — они явно стеснялись.

Они успели выпить лишь половину чая, как в зал вошёл Вэнь Жунь.

Сегодня, из-за холода, он надел длинный халат из парчи, подбитый ватой, с отделкой из белого кроличьего меха. Цвет халата — насыщенный «зелёный сосны», ткань с золотистым блеском. На талии — широкий пояс тёмно-зелёного цвета, к которому были прикреплены алый шёлковый мешочек и нефритовая подвеска с резьбой «Бамбук вестник мира» (чжу бао пинъань). Под ней — алый шёлковый узелок в форме сливы.

На ногах — официальные сапоги из парчи. Несмотря на метель за окном, их белые голенища были безупречно чистыми, без единого пятнышка.

На голове — повязка из той же ткани, что и халат, аккуратно собранные в пучок волосы удерживал серебряный обруч.

Сверху он накинул большой серый лисий плащ с капюшоном, который полностью защищал волосы от снега и ветра.

Когда он вошёл, Чэн Лаоу откинул занавеску и распахнул дверь, почтительно пропустив его внутрь... Всё это было заранее организовано женой Чэнь Цяна. Раньше Чэн Лаоу никогда не выполнял такие обязанности «слуги».

Вэнь Жунь даже бросил на него удивлённый взгляд.

А вот гости из Вэньцзячжуаня в буквальном смысле остолбенели.

Не столько из-за одежды, сколько из-за самой ауры Вэнь Жуня — его осанки, изящества

движений, благородства манер. Это был совсем не тот Вэнь Жунь, которого они помнили.

В их воспоминаниях он был застенчивым, почти глуповатым книжным червём, погружённым в учёбу до одури.

Иначе как бы его состояние так быстро не растаяло? Если бы не его талант к учёбе, они давно бы уже что-то предприняли.

Потом Вэнь Сяошу начал активно агитировать род, и они решили: «Пожертвовать одного маленького суйца — не велика потеря. Он такой наивный, вряд ли сдаст на цзюйжэня. А поездка в префектурный город стоит немалых денег!»

К тому же Вэнь Жунь совершенно не умел вести хозяйство. С таким-то подходом он и сидел бы всю жизнь на своих полях, пользуясь лишь льготами по налогам и повинностям, но дальше суйца не пошёл бы.

Именно поэтому они и поддержали план Вэнь Сяошу.

Кто бы мог подумать, что уже через короткое время они получают по заслугам!

Вэнь Жунь не только сдал на цзюйжэня, но и перевёл свою регистрацию в Ляньхуаао. Теперь вся округа завидовала Ляньхуаао: ведь деревня освобождалась от налогов и повинностей!

Пусть даже эти налоги и повинности теперь шли в пользу Вэнь Жуня — всё равно это было лучше, чем у них!

Пока Вэнь Жунь жив — Ляньхуаао можно не беспокоиться ни о чём.

Сколько всего суйцаев в уезде? А цзюйжэней и подавно — единицы!

Даже уездный магистрат прямо заявил, что делает ставку на цзюйжэня Вэня.

А это, в свою очередь, означало, что у магистрата есть претензии к Вэньцзячжуаню.

Даже главный секретарь Мао перестал улыбаться жителям Вэньцзячжуаня, теперь только хмурился и вел себя сухо, по-деловому.

Староста Вэньцзячжуаня начал терять уверенность, а глава рода Вэнь, старый хитрец, сразу понял: надо действовать. Поэтому они и выбрали именно такой день — сквозь метель и вьюгу — чтобы лично навестить Вэнь Жуня.

Но они не ожидали увидеть вот такого Вэнь Жуня.

Когда он поднял голову, капюшон спал. Немного снега, осевшего на него, уже растаяло. Внезапно откуда-то появился Лю Сань, молча снял с Вэнь Жуня лисью шубу и повесил её на вешалку, после чего так же бесшумно исчез.

Вэнь Жуню показалось странным поведение домочадцев — все будто бы изменились. Но сейчас он не мог их вызвать и расспросить, пришлось сдержаться.

Он поднял глаза и увидел троих сидящих.

Дедушка Чжань — старый знакомый, без вопросов.

А вот двое других существовали в его памяти лишь как воспоминания прежнего владельца тела.

Первый — нынешний глава рода Вэнь, Вэнь Хан. Ему уже шестьдесят три года. Вся жизнь — тяжёлый труд. Волосы совершенно белые, лицо изборождено морщинами, выглядит на все семьдесят.

Одет в чёрную ватную одежду из тонкой хлопковой ткани, на поясе — ремень того же цвета, на ногах — высокие сапоги с кроличьим мехом. Для деревенского жителя — очень приличный наряд, особенно учитывая, что на одежде нет ни одного заплатки.

На голове шапки нет, но на столике рядом лежит шапка из собачьей шкуры.

Хоть и стар, но ума не потерял. Жизненный опыт сделал его ещё более гибким и расчётливым.

Иначе бы в деле с Вэнь Жунем всё время выступали только Вэнь Сяошу и Вэнь Лаоци, а он сам держался в тени.

Второй — староста Вэньцзячжуаня.

Ему около сорока. На нём сероватая, но тоже из тонкой хлопковой ткани ватная одежда, на ногах — большие ватные сапоги. Рядом тоже лежит шапка из собачьей шкуры, но поношенная, не такая новая, как у главы рода.

Выглядит крепким, с добродушным лицом. Но будь он действительно простодушным, не стал бы старостой. Ведь его отец — родной дядя главы рода Вэнь.

Когда-то старший сын старшего сына стал главой рода, а второй сын — старостой деревни. Вся

власть сосредоточилась в их ветви, и остальные не смели перечить.

Судя по одежде, Вэньцзячжуань действительно богаче Ляньхуаао.

Ведь на дедушке Чжане — полустарая ватная одежда с большими заплатками на коленях и локтях. Это, между прочим, его лучший наряд! Только на праздники или в поездку в уездной город он надевал одежду без заплат.

Он берёт её как зеницу ока: у него всего два комплекта без заплат — один ватный, один летний.

Весной, летом и осенью он носил одну и ту же летнюю одежду.

Летом всё было проще: мужчины могли ходить в лёгких рубашках — и этого было достаточно.

Когда становилось слишком жарко, многие даже работали голыми по пояс — и это было в порядке вещей.

В крестьянских семьях не было столько условностей. Даже женщины могли закатать рукава и немного оголить руки — кто в деревне станет из-за этого церемониться?

Такие изыски были прерогативой лишь знатных семей. А в деревне здоровая, крепкая женщина трудилась не меньше мужчин.

Сравнивая одежду, сразу было видно: Вэньцзячжуань — явно богатая деревня, а дедушка Чжань рядом с ними выглядел бедняком. Но, несмотря на это, он всё равно занял второе почетное место — справа от главного.

Он пришёл поддержать Вэнь Жуня и потому обязан был продемонстрировать твёрдость и уверенность.

Когда Вэнь Жунь вошёл, снял лисью шубу, кивнул троим — тем самым дав понять, что приветствие состоялось, — и уверенно прошёл к главному месту, где и уселся.

Тут же появилась жена Чэнь Цяна и подала ему чашку горячего чая.

Обычно Вэнь Жунь пил чай из простых пиал, но сегодня она принесла тот самый подарочный набор «саньцай гайвань» («трёхчастная чайная чаша»): один чайник и четыре такие чашки.

На чашках были изображены «четыре благородных растения» — слива, орхидея, хризантема и бамбук, а на чайнике — роскошные пионы, символизирующие процветание.

Вэнь Жунь считал этот сервиз исключительно декоративным и держал его в библиотеке для красоты. Но сегодня жена Чэнь Цяна взяла его и действительно заварила в нём чай.

Теперь Вэнь Жунь всё понял. Все эти действия — от одежды до посуды — были задуманы специально, чтобы создать впечатление: он — настоящий цзюйжэнь, а значит, должен сразу подавить гостей своим авторитетом и внушить им страх.

Семья Ванов была слишком бедной, да и остальные домочадцы вышли из простых слоёв — они не знали таких тонкостей. Но жена Чэнь Цяна... она ведь родом из знатного дома! Сколько всего она повидала!

Вот почему всё это казалось Вэнь Жуню таким странным и надуманным!

Даже дедушка Чжань затаил дыхание... Старик, вероятно, впервые в жизни видел подобное великолепие в доме старого Вана.

Раньше, когда он приходил, все разговоры велись прямо на кане в комнате. А сегодня пришлось сидеть на жёстком стуле, выпрямив свою и без того сгорбленную спину. Как тут не нервничать и не уставать?

Вэнь Жунь сел, принял чай, сделал вид, что сделал глоток, затем прочистил горло и заговорил:

— Какая честь для дома Ванов — ваш визит. С какой целью вы пожаловали?

Его официальный, холодный тон заставил старосту Вэньцзячжуаня нахмуриться, а главу рода Вэнь — насторожиться. Такая вежливость звучала почти как отчуждение, будто они — совершенно чужие люди.

Однако Вэнь Хан, проживший всю жизнь в роли главы рода, не растерялся. Несмотря на явную холодность Вэнь Жуня, он с невозмутимым лицом ответил:

— Ты ушёл из Вэньцзячжуаня почти год назад. Мы просто пришли узнать, как ты тут живёшь, всё ли у тебя в порядке.

— Разве это не видно? — не выдержал дедушка Чжань, прежде чем Вэнь Жунь успел ответить.
— У цзюйжэня Вэня всё прекрасно!

Ведь такой дом, такая обстановка, слуги вокруг — разве можно жить лучше?

От переводчика: Дорогие читатели, завтра я начну выкладку платных глав. Если не будет непредвиденных ситуаций, перевод продолжится в том же темпе — 5 глав в день. Несмотря на то, что количество символов в главах стало вдвое больше, разбивать их на части я не буду, книга и так очень большая. По этой же причине абонементы я сделала с большими скидками, надеюсь, вы подберете себе удобную ценовую позицию и поддержите мою работу!

<http://bllate.org/book/15642/1398066>